

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования РФ для дополнительного образования*

Яков Нерсесов

**ВЛАДИМИР
МОНОМАХ,**

ИЛИ

ПОЛОВЕЦКИЕ ТУЧИ НАД РУСЬЮ

Художник Олег Пархаев

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2003

Сыновьям Николаю и Михаилу посвящаю...

Человек растет с детства.

Древнеперсидская поговорка

«ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА МОНОМАХА!»

Была ранняя весна 1125 года. Занемогшего великого князя осторожно везли на санях по подтаявшему мартовскому снегу. Яркое светило солнце, пробуждалась от зимней спячки природа.

Сам, но с большим трудом вышел он из возка и медленно, по-старчески часто останавливаясь, прошел в церковь. Он чувствовал, что в последний раз здесь...

Предчувствие не обмануло его. С тех пор он уже только лежал в одиночестве, вспоминал прошлое и думал: все ли он успел сказать своему старшему сыну? Других сыновей он теперь к себе не звал. Еще несколько лет назад он им все сказал: установил порядок владения огромной державой, определил каждому из них свой удел, обязал всех в случае его смерти подчиняться старшему брату и чтить вместо отца.

Как давно это было. Но как хорошо он это помнит...

Вот два богато наряженных конюха подвели невысокого смиренного конька!

Покрытого расшитым золотом чепраком под небольшим, отделанным красивым узором седлом — чепрак, расшитый золотом.

Сегодня его, трехлетнего княжича, по древнему обычаю впервые посадят на коня — с этого и начнется его обучение ратному делу.

Отец берет его за руку, осторожно ведет по ступенькам крыльца вниз. Потом, высоко подняв, показывает народу. Площадь одобрительно гудит. Князь подносит его к коньку и сажает в седло. Конек переступает с ноги на ногу, качает головой, косится на малыша и лишь спустя некоторое время успокаивается. Конюхи осторожно тронули уздечку, и конек двинулся с места. Отец шел рядом, поддерживая сына-наследника в седле. А тот вцепился ручонками в седельную луку, напряженно смотрит в одну точку, между ушами конька, боится упасть. Но конек все идет и идет по площади, люди с улыбками расступаются, дают ему дорогу, и маленький княжич успокаивается...

Вспомнив былое, успокоился и старый князь. Напоследок ему так захотелось заглянуть вперед на десять, двадцать, пятьдесят, сто лет, и как же жаль, что это невозможно. Свой жизненный срок на этом свете он прожил. Хорошо ли, плохо ли — пусть оценят потомки. Прожил, как сумел...

Владимир сложил холодеющие руки на груди, закрыл глаза и, глубоко вздохнув, замер... Затих навсегда.

С его именем — именем Владимира Мономаха, великого князя Киевского, полководца, общественного деятеля и писателя, — связан последний период государственного единства и могущества Киевской Руси.

Владимир II Мономах родился в пограничном для тогдашней Руси городе-крепости Переяславле в 1053 году, за год до смерти его легендарного деда, Ярослава Мудрого, который дал и внуку русское имя Владимир и христианское — Василий. Своим про-

званием — Мономах — он обязан другому знаменитому деду по материнской линии — суровому византийскому императору Константину IX Мономаху, что по-гречески означает «единоборец». Это гордое прозвище навеки вошло в русскую историю и даже в русском языке есть бытующее и поныне присловие: «Тяжела ты, шапка Мономаха!» Судьба наделила Владимира энергией и напористостью. Именно ему удалось продолжить дело Ярослава Мудрого и объединить под своей властью многие русские земли.

В ТУ ПОРУ ВЗРОСЛЕЛИ РАНО

Детские годы Владимира, росшего живым и любознательным мальчиком, прошли под опекой отца — Всеволода Ярославича, четвертого сына Ярослава Мудрого, человека рассудительного и высокообразованного, знавшего пять иностранных языков: греческий, латинский, немецкий, венгерский и польский, не считая разговорного половецкого. В ту пору рано выросли. С малых лет Владимиру пришлось осваивать ратное ремесло. Опытные дядьки-дру-

жинники терпеливо учили его искусству верховой езды, умению владеть всеми видами оружия: копьем и мечом, боевым топором и палицей, метко стрелять из тугого лука. В то время лучшим способом научиться владеть конем и оружием была охота, в том числе соколиная и даже ястребиная. Наряду с чтением (в отличие от отца, читавшего про себя, Владимир любил читать вслух) и рыбной ловлей она стала главным увлечением юного княжича.

Приставленный к нему дядька-воспитатель часто приглашал маленького княжича покататься на лошадях, посмотреть красу земли русской. Седлали

коней и ехали по окрестным дубравам. Ступали по мягкой траве, смотрели в прозрачные озера, пили воду из родников, лежали на лесной опушке и смотрели в летнее бледно-голубое небо.

Слушал мальчик, затаив дыхание, рассказы дядьки о лихих схватках с кочевниками на южном русском порубежье, о страшных сечах и смертельных поединках. Мысленно оказывался маленький княжич в гуще событий на знаменитых Змиевых валах, огромными дугами охватывавших порубежье с востока. Потом они быстро скакали обратно: «уходили от лихой погони».

А вечером дядька рассказывал Владимиру былину про великие подвиги русских богатырей, про их силу немереную. В воображении княжича вставали несгибаемый Добрыня Никитич, хитроумный Алеша Попович и могучий Илья Муромец. Слушал Владимир и засыпал крепким сном.

Со временем из мальчика вырос красивый мужчина — с большими глазами, высоким лбом, рыжеватыми кудрявыми волосами и окладистой бородой. Правда, роста он был невысокого, но зато обладал прекрасным тренирован-

ным телом воина и был исключительно силен. Недаром, став взрослым мужем, без страха ходил один на оленя, лося, тура, вепря и ловко брал на рогатину главного хищника древнерусских лесов — могучего и страшного в ярости медведя. Все свободное от походов и хозяйственных забот время Мономах будет проводить либо на столь любимой им охоте, порой вступая в единоборства с опасными зверями, либо в тиши — на рыбалке, где есть редкая возможность думу думать, как оборонять отчизну и строить мирную жизнь.

Беззаботное детство окончилось рано, в 1061 году, когда с крепостной стены он увидел огромную орду половцев, впервые напавших на Русь под предводительством хана Сокала (Искала).

Однажды под вечер с крепостных стен Переяславля дозорные увидели, как заметались в сумеречной степи огни, высоко взметнулось пламя, окрасив небо в розовый свет. И не успели горожане толком понять, почему пылает степь зимой, как оттуда посыпались к крепостным стенам люди: одни скакали на неоседланных лошадях, другие бежали бегом, полуодетые и разутые, раненые и обгоревшие...

Это в одну из морозных январских ночей внезапно вышли из степи половцы, мгновенно вырезали они заснувшие в землянках русские сторожи, не дав им зажечь сигнальные огни...

Стройными рядами вышла на смертный бой с врагом княжеская дружина.

Но уже спустя день видел маленький Владимир с крепостной стены, как возвращались назад разрозненные отряды русских воинов. Все в крови, в разорванных плащах, помятых от ударов кривых половецких сабель шлемах и латах, с пробитыми стрелами щитами, понурые и усталые, медленно входили они в город. Запричитали по погибшим и заголосили над ранеными матери, жены, невесты. Только успели наглухо захлопнуть крепостные ворота, а по степи уже неслись передовые половецкие отряды. Маленький княжич вместе с мрачным отцом смотрел на пушистые треухи всадников, колчаны со стрелами, висящие у них за спиной. Кажется, тогда он впервые понял, что значит «отчизна в опасности»...

Разорив, разграбив русские села, половцы быстро ушли в степь, уводя в полон русских людей.

...Вместе с отцом на санях ехал Владимир под охраной конной дружины по мглистой и стылой дороге, в объезд сожженных сел. Повсюду стояли спаленные дотла крестьянские избы. Но кое-где уже начинали стучать топоры. Оставшиеся в живых валили лес для постройки-

ки новых изб, амбаров, бань, клетей. Медленно оживала земля русская.

Тогда Владимир впервые увидел отца поникшим, сломленным и понял: защищаться надо умело и всем вместе. Много позднее он сделает все, что будет в его силах, чтобы объединить русских князей для отпора грозному врагу.

Уже в тринадцатилетнем возрасте юный Мономах узнал тяготы взрослой жизни, полной походов и войн — сначала междоусобных, а затем и с внешним врагом. Особо кровопролитной оказалась междукняжеская распря с главным смутьяном — полоцким князем Всеславом, по прозвищу Чародей, или Вещун (поговаривали, будто он может обратиться волком или вороном и за

ночь домчаться от Полоцка до южно-русских степей).

Вот и теперь в отместку за учиненный Всеславом разгром Новгорода киевские, ростово-суздальские, переяславские и черниговские рати, ведомые своими князьями и их сыновьями-подростками, пошли в поход на Всеслава. Минск решено было брать приступом.

Несколько дней подряд воины валили деревья в окрестных лесах, делали приступные лестницы, готовили тараны, чтобы бить ими в крепостные ворота.

Напрасно минчане метали в осаждавших стрелы, лили сверху кипящую воду и смолу, отпихивали лестницы баграми — слишком неравны были силы. Нападавшие ворвались на крепостные стены, сбили вниз защитников города и оттуда ворвались на улицы Минска.

Тогда впервые видел юный Мономах, как русские секли мечами беззащитных русских, били их булавами, протыкали копьями, глушили щитами; как выламывали двери, врываются в дома. Стоны, крики, рыдания, победные возгласы и проклятия — все это смешалось в едином вздохе отданного русским на разграбление русского же города. Воины избивали не печенегов, не половцев, а своих же единоверцев, чья вина была лишь в том, что ими правил князь Всеслав Полоцкий — враг из рода Ярославичей!

Сеча затихла. И Минск запылал. Исчезло все, что не успели разграбить напавшие...

Спустя всего лишь несколько дней Всеслава рать в непролазном снегу встретилась с ратями Ярославичей на берегу реки Немиги.

Сам Всеслав в черном облачении, на черном коне, увязая в глубоком снегу, размахивал мечом, понукал своих усталых от долгого перехода воинов атаковать врага. Мономах видел зловещую улыбку на лице Чародея, белую пену на морде его черного, как смоль, коня...

Поначалу полоцкие всадники потеснили позиции Ярославичей в центре, где бился полк киевлян, но не сумели пробить в нем брешь и рассеять воинов: кони половчан вязли в снегу, двигались медленно, неуклюже.

Этой заминкой воспользовались стоявшие на флангах переяславцы и черниговцы: ударили с боков и сбили в кучу войско Всеслава. В снежной каше мерно поднимались и опускались боевые топоры и дубины; трещали и рвались

кольчуги, тулупы. Кони и люди зарывались в снег и задыхались под навалившимися сверху ранеными и убитыми людьми и лошадьми. Короткие вскрики, приглушенные стоны и лошадиный храп слились в сплошной гул...

Киевляне, ростовцы, суздальцы, черниговцы и переяславцы, мерно работая секирами, пробивались все ближе к Всеславу. И вдруг, когда, казалось, до него рукой подать, он... исчез! Испарился! Поистине Чародей знал свое дело: заварил кровавую кашу, усеял землю телами сотен воинов и был таков! Расстворился в синей вечерней мгле! Сколько раз он уже проделывал этот

трюк: ускользал от врага в критический момент боя, как невидимка...

И все же Всеслав оказался в плену: братья обманом заманили его на мирные переговоры.

Дело было так: князя встретили безоружного Всеслава дружелюбно, обнялись по-братски. Всеслав обладал незаурядной внешностью: густые темные брови; серые, прозрачные, словно озерная вода, глаза; движения быстрые, вкрадчивые. Но не зря чуял он беду в братских объятиях. Как только он ступил под полог шатра, куда его пригласили якобы для переговоров, как на нем повисли сразу несколько дюжих дружинников и тут же

скрутили руки. Немногочисленных телохранителей зарубили на месте.

Время было суровое: убей или убьют тебя. Такой вывод пришлось сделать юному Владимиру, оказавшемуся очевидцем коварного пленения главного смутьяна — Чародея Полоцкого...

Нелегко начиналось княжение юного Владимира. Обстановка вынуждала его воевать на два фронта. Не успел он на северо-западе дать отпор своему давнему врагу, князю полоцкому Всеславу Чародею, оказавшемуся на свободе из-за народного бунта в Киеве, как с юга на него налетели степняки. Так продолжалось годами.

В начале лета 1076 года объединенная рать русских князей Владимира Мономаха и Олега Святославича собралась на Волыни. Предстоял поход вместе с ляхами (так на Руси в то время называли поляков) во главе с королем Болеславом на запад против чешских рыцарей короля Вратислава.

Шли по польским землям. Позади остались Сандомир и Краков, впереди — Калиш. Не доходя до него, соединились с войском короля Болеслава. Уже вместе переправились через Одру. Это была третья большая река на их пути. Позади остались Висла и Варта. Никогда еще так далеко на запад не доходили русские князья со своими воинами.

Переплывали Одру на ладьях поляков. Коней переправляли на больших плотах. На них же перевозили каменетные машины, телеги, повозки и камни для метания. Враг был далеко, поэтому переправлялись неспешно, дружина за дружиной, полк за полком. Над Одрой стоял сплошной гул: неумолчный человеческий гомон, лошадиное ржание. Князья руководили переправой своих войск с берега.

Затем шли через Чешский лес. Нападения никто не опасался: предыдущий опыт показывал, что тяжеловооруженные западные рыцари и пехотинцы с большими прямоугольными щитами и длинными копьями не могут развернуться в лесных чащобах. Удара можно ожидать только в поле или в пригороде.

А лес тем временем становился все гуще, все темнее...

Даже привыкшие к лесным чащобам русские воины здесь, на чужбине, чувствовали себя неуютно. Особенно жутко становилось темной ночью, когда приходилось ночевать в глухом лесу под уханье филинов и вой волков. Воины, и польские, и русские, согрева-

ясь у костров от ночной сырости, вынимали из телег котлы, доставали хлеба и сыры, варили мясо. Отужиная, расстилали на земле лапник, конники прикрывались лошадиными попонами, а пехотинцы — чем бог послал. Спали при оружии, не снимая брони, лишь шишаки клали рядом, чтобы можно было надеть в любой час.

Лагерь затихал в тяжелом сне. На завтра предстоял бой. Он обещает быть трудным: тяжело вооруженные чешские рыцари умеют рубиться тяжело-

ми мечами и разить длинными копьями. Не все русские воины переживут завтрашний день...

Ночь прошла спокойно. Чехи не рискнули напасть на противника в густом лесу, где невозможно было развернуться тяжеловооруженной кавалерии.

Едва рассвело, русичи, наскоро перекусив остатками вчерашнего ужина, построились и двинулись дальше. Вскоре разведка донесла, что за лесом их поджидает выстроившееся в ровный боевой порядок рыцарское войско чешского короля Вратислава. И вот уже видно, как разноцветные

ленты на кончиках копий радужной расцвечивают их шеренги.

В ответ русские незамедлительно развернули свой строй. В центре, как всегда, стала пехота: ей предстояло принять на себя основной удар атакующей рыцарской кавалерии противника, на флангах встали княжеские дружины. В резерве оставили польскую конницу.

Вот на той стороне пропели трубы, и рыцарская конница врага пришла в движение. Сначала медленно, как бы нехотя, потом все быстрее и быстрее, она покатила на притихшие перед столкновением русские ряды.

Задрожала земля под копытами тяжелых коней, несущих сотни всадников в полном рыцарском вооружении. Лица русских пехотинцев посуровели. Закрывшись щитами, они еще теснее сомкнули свои ряды, выставив вперед острые жала длинных копий...

У кого копье окажется длиннее, у того больше шансов поразить врага раньше, чем его самого достанет вражеский удар. У кого тверже рука, тот и победит в этой схватке!

Дальше был сплошной лязг металла о металл, хрип и ржание раненых и разгоряченных коней, понукаемых всадниками. Это рыцари на полном скаку врубались в первый ряд русской пехоты. Русские пехотинцы первыми достали врага: они ударили в конские груди, прикрытые доспехами, в щиты рыцарей. Но, осыпавший дождем стрел с флангов, первый ряд рыцарей все же прогнул русскую линию назад, а следом уже катила новая рыцарская волна...

Пока пехота смыкала свои расстроенные первым ударом ряды, в нее врезались рыцари второй шеренги, раскидывая русских воинов длинными мечами; копья были уже не нужны...

Но и этих рыцарей встретил второй строй русских и новый, не менее густой, чем прежде, рой стрел. К счастью, ответить тем же чехи не могли: у них не было стрелков из лука, и русские этим воспользовались.

Непрерывные атаки рыцарей все больше и больше прогибали русский центр, но Мономах твердо стоял на том, что атаковать с флангов еще рано. «Пусть поглубже увязнут!» — хладнокровно увещевал он своего горячего двоюродного брата Олега, так и порывавшегося налететь на увлекшегося схваткой врага.

Да, гибли русские воины, но «на войне как на войне», и в конечном счете

выигрывает тот, кто лучше рассчитал свои силы, правильнее расставил их и оказался тверже характером...

Когда Мономах увидел, что пехота уже изнемогла под ударами тяжелой кавалерии врага, но и рыцарей уже полегло немало, только тогда он отдал команду на общую атаку с флангов и затем поспешил замкнуть кольцо окружения...

А чехи, забыв об осторожности, все глубже и глубже врубались внутрь русского войска, тщетно пытаясь рассечь его надвое. Смертоносные русские фланги уже начали смыкаться за их бронированными спинами.

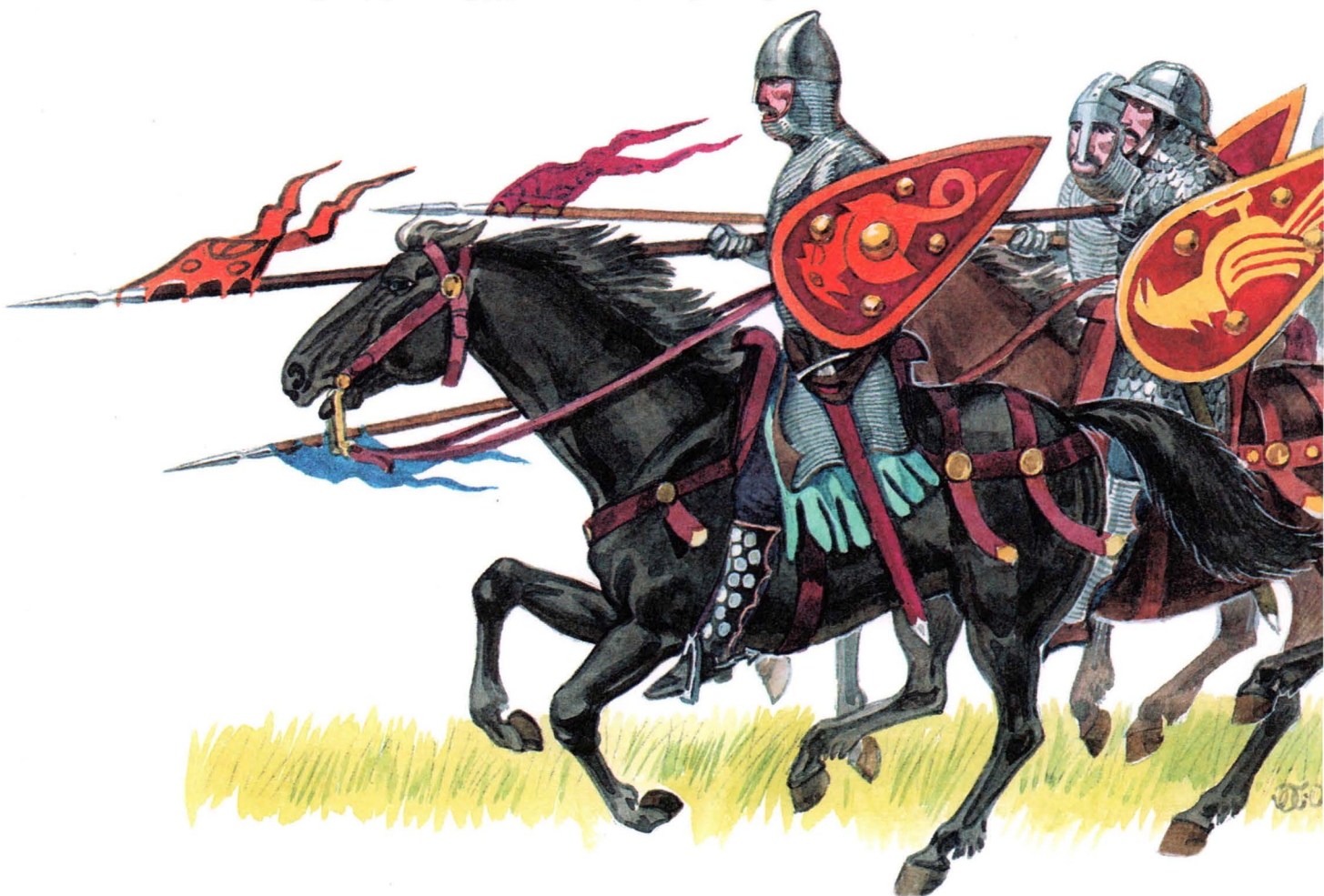
Дружинная конница разметала, как ветер плохо собранный соломенный стог, немецких копейщиков, прикрывавших чехов сзади, и с ходу врезалась в тыл чешским рыцарям. Трудно им бы-

ло развернуться и обороняться. Именно на это и рассчитывал хитроумный Мономах. Под прикрытием лихих дружинников он и Олег с двух сторон врубались в рыцарские ряды, ловко орудуя мечами и булавами.

Рыцари считались достойными соперниками, но русские дружинники на мечах умели биться не хуже. И началась мясорубка, в которой в плен не брали — рубились насмерть...

Но вот все ближе и ближе сходятся крылья-фаланги русского войска. Немногие рыцари смогли выскользнуть из смыкавшегося кольца. Вдогонку им кинулись дружинники, чье вооружение было легче, а кони быстрее...

Вражеских копейщиков князь оставил на своих ратников и лучников. Увидев своих рыцарей бегущими, те растерялись и тоже побежали...

Вот тут-то Мономах и выпустил на них уже порядком застоявшуюся в резерве польскую кавалерию. И раздался над полем сражения боевой клич поляков, затрепетало на ветру их королевское знамя. Словно стервятники, кинулись ляхи на беспорядочно бегущего врага. Они смяли немецкую пехоту и добрались до отступающих рыцарей. Разгром был полный...

Спустя некоторое время русские рати зашли еще дальше в глубь владений Вратислава и осадили город Глац. Его пришлось брать приступом.

Несколько дней тараны били в крепостные ворота, камнеметные машины засыпали защитников города градом тяжелых стрел и камней. Затем на стены с приступными лестницами полезли русские. Напрасно лили кипяток и горячую смолу, скатывали большие камни, толкали в грудь копьями, стреляли из луков. Они все равно ставили лестницы и упрямо взбирались по ним наверх.

Переяславская дружина первой ворвалась в город. За ней последовали остальные. Победный клич атакующих взмыл над городом, клубы дыма вырвались в синее небо. Начался разгром Глаца.

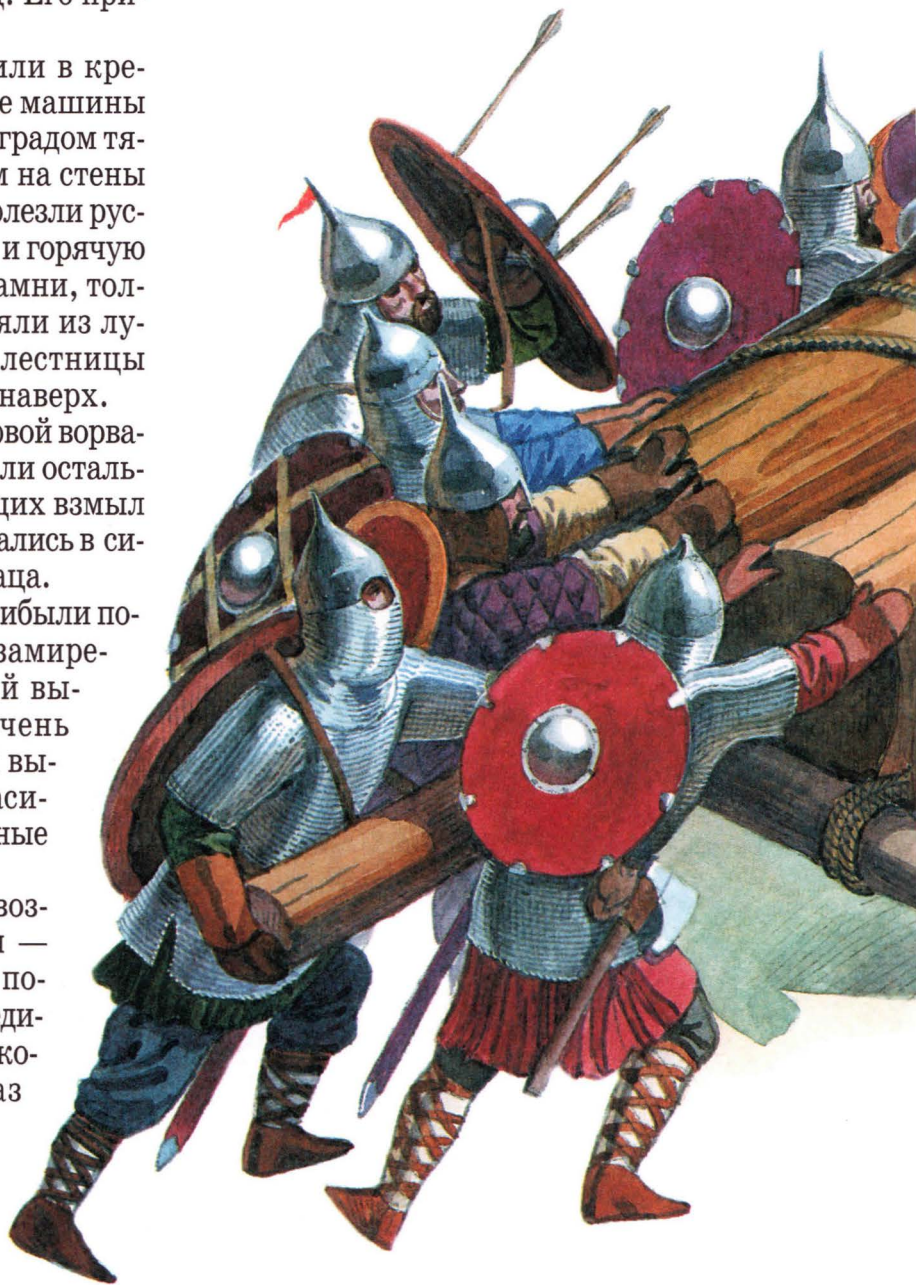
Вскоре после этой победы прибыли послы от Вратислава просить замирения. Был предложен богатый выкуп. Мономах повел себя очень жестко и затребовал двойной выкуп. Чехи не сразу, но согласились на условия, продиктованные русским князем.

Обратно Владимир и Олег возвращались стремя в стремя — крепко связал их успешный поход. Они вернулись в Киев победителями и друзьями. Но очень скоро судьба разведет их — раз и навсегда.

Колокольный звон, ликующие толпы горожан и богатый пир ждал их в стольном граде Киеве.

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

Но вскоре Мономах снова оказался в седле: опять поднял голову вечный забияка Всеслав Чародей. Этот полоцкий князь снова напал на Новгород и подверг его земли разорению. Вместе с Глебом Святославичем двинулся Владимир Мономах на поимку Всеслава. Но не так-то просто было настигнуть

полоцкого смутьяна. Он скрытно, по-волчьи, обегал новгородские поселения, грабил их, уводил в полон людей.

И никак не получалось настичь его. Чародей внезапно налетал и столь же стремительно исчезал в густых полоцких лесах. Почти весь март и поло-

вину апреля без толку гонялись дворянские братья по лесам и полям за Всеславом, но так и не сошлись с ним в открытом большом бою. Пришлось им возвращаться.

Неудача не расстроила Мономаха: он задумал совершить большой поход на логово Вещуна — на Полоцк.

Вскоре вместе со Святополком Изяславичем он был уже под дубовыми стенами Полоцка. Погода стояла студеная, на дворе был месяц январь.

Лестницы поставили быстро, с разных сторон и сразу несколько десятков, да так, чтобы они не доставали до верха крепостных стен, а потому защитникам Полоцка приходилось все

время высовываться из укрытий и бойниц и нагибаться, чтобы отпихнуть лестницы от стен. Подошедшие следом за пехотинцами лучники повели методичный обстрел половчан, мешая им сбросить со стен воинов, которые лезли и лезли по штурмовым лестницам.

Мономах, оберегая княжеские дружины, бросал на штурм все новые полки ратников-смердов. Когда те наконец зацепились за гребень стены и повели бой на самом верху, Владимир и Святополк тут же направили в бой свои главные силы — дружинников...

Вскоре в городе закипела смертельная схватка: жители Полоцка бились до последнего. Приходилось с боем брать каждую улицу, каждый дом.

И опять брат шел на брата. Междоусобная брань разоряла земли русские...

Братья попытались найти главного виновника всех раздоров и стычек — Всеслава Чародея, но тот, как призрак, в который уже раз бесследно исчез. Да не один, а со своей верной дружиной. Чего только не рассказывали: то ли он неведомо куда умчался со своими дружинниками сквозь пламя, то ли перелетел на коне через крепостную стену, то ли и вовсе в огне вознесся в небеса...

Становилось даже страшно: столько людей положено в боях, а Чародей опять исчез, как сквозь землю провалился! Воистину, нечистая сила его оберегает!

Вскоре в жуткую стужу взяли приступом Одреск, где вроде бы видели Всеслава, а там его снова не оказалось!

Воины уж и не верили в возможность поймать князя-невидимку и расквитаться с ним за все сполна. Так, к великой досаде пришлось Мономаху снова возвращаться обратно.

Но Мономах уже не опасался Всеслава. Он хорошо изучил его волчьи повадки — напасть стаями на незащитного, слабого противника и при первой опасности бежать, заматаывая следы, — и научился ему противостоять...

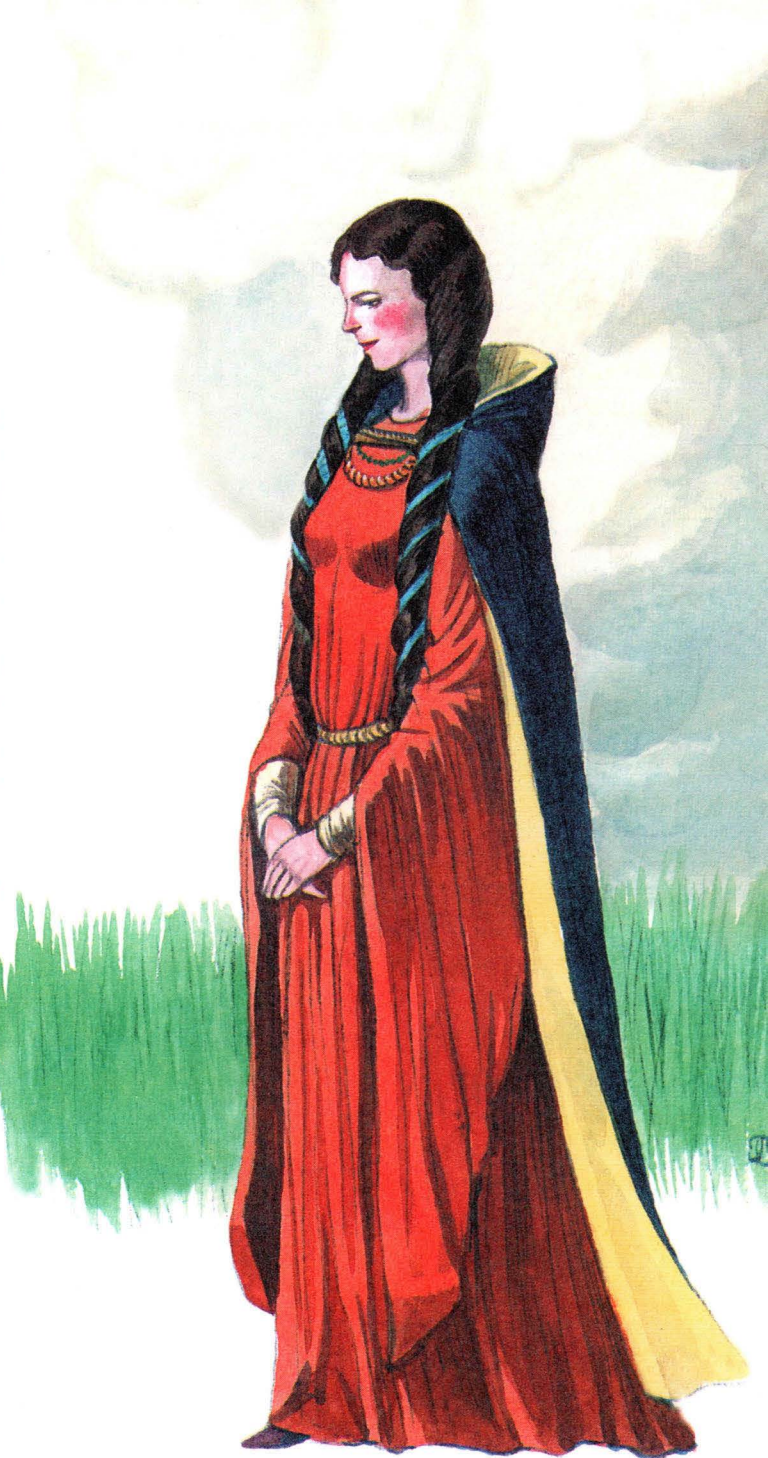
Много еще было междоусобных браней. Гибли в них безвинные люди, горели города и села, скудела земля рус-

ская. А князьям все было нипочем. И после каждой новой сечи, обиженные, затаившись, они ждали своего часа. Приходилось Мономаху воевать то с одним из двоюродных либо троюродных братьев, то с другим, то с третьим...

Походная жизнь не помешала Владимиру жениться. Его женой стала Гита, дочь последнего короля англосаксов Гарольда, погибшего в знаменитой битве при Гастингсе в 1066 году с герцогом Вильгельмом Незаконнорожденным (более известным в истории как Вильгельм Рыжебородый Завоеватель), в битве, решившей судьбу Англии. Конечно, Англия в то время была не ахти какой державой, а у принцессы не было земель, но и сам Владимир Мономах среди претендентов на киевский престол стоял лишь восьмым! Но, породнившись с англосаксонской принцессой, расширил князь связи своего рода с дворами европейских правителей. Так у Мономаха оказалось сразу два громких титула — византийского императора и английского короля.

...Впервые они встретились в чистом поле, неподалеку от Переяславля. Мономах спрыгнул с коня и подошел к возку, в котором привезли английскую принцессу. Дверцы открылись, и на Владимира в упор глянули темные глаза. Впрочем, принцесса тотчас же отвела взгляд. К нему вышла тоненькая темно-волосая девочка-подросток в русском женском наряде, сшитом из дорогих греческих тканей, с золотой цепью и ожерельем из зеленого бисера на груди. Она почти не поднимала глаз, лишь изредка, как бы невзначай вскидывала их на Владимира...

Совсем еще юная, тоненькая, с улыбочивым остреньким личиком, тонкими сомкнутыми губами, с внимательным взглядом ярких карих глаз, под тонкими бровями, Гита прибыла в Переяславль в начале лета 1075 года.

Не зная ни слова по-русски, она смутно представляла себе эту далекую страну, сплошь покрытую, как она думала, дремучими лесами. Гита отвечала на вопросы через толмача-переводчика тихо, односложно.

Но внешность обманчива: Гита оказалась человеком с твердым харак-

тером, она прошла через великие испытания: смерть близких людей, потерю Родины. Никто даже не догадывался, что она дала согласие на брак с внуком византийского императора, лишь когда узнала, что флот датского короля Свена был разбит эскадрой Вильгельма Завоевателя и надежды бывшей королевской семьи на возвращение в Англию окончательно рухнули.

Сильный дух обитал в хрупком теле. Гита согласилась выйти замуж за сына русского князя лишь потому, что он был в прямом родстве со шведской королевской семьей и византийским императорским домом. В этом она видела хотя бы частичное восстановление своих грубо попраных королевских прав и, даже не зная мужа, непоколебимо верила, что сможет помочь ему преодолеть все преграды, чтобы он стал первым на Руси правителем.

Очень скоро Мономах понял, что его чужеземная жена человек незаурядный: она не только отлично вышивает, но прекрасно читает по-гречески и латыни, хорошо знает литературу и историю. Она умеет ловко скакать на коне и метко стрелять из лука. Так они и жили: он с возрастающим любопытством приглядывался к этой хмурой, молчаливой, но такой выносливой женщине, а она все крепче привязывалась к мужу, единственному оставшемуся у нее защитнику.

Гита счастливо проживет с Мономахом 33 года, она родит ему много детей: одиннадцать из них доживут до зрелого возраста. Сыновей будет семеро: Мстислав (позднее благодарные современники назовут его Великим), Изяслав (он погибнет в 1096 году в междоусобице со своим дядей-крестным, князем Черниговским Олегом Святославичем), Святослав (он внезапно умрет молодым в 1114 году), Роман, Ярополк, Вячеслав и Андрей. Знаменитый

основатель Москвы князь Юрий Долгорукий родится у Мономаха уже от второго брака с русской боярыней, чье имя осталось нам неизвестно. Всех их Мономах воспитает верными защитниками земли русской. Они с успехом будут княжить в Новгороде, Переяславле, Смоленске, в Ростово-Суздальской земле, на Водыни.

Видя, что Русь раздирают междоусобицы, задумал Владимир Мономах возвести неприступный город-замок, в котором князю с семьей и дружиной можно было бы отсидеться в тяжкую годину, откуда можно было бы грозить всем своим недругам, а было у него их, как, впрочем, и у всех в то коварное время, предостаточно. Замок он заду-

мал соорудить наподобие тех, которые видел во время похода на чехов. Там, на береговых кручах, возводились такие твердыни, что взять их врагу было очень трудно, почти невозможно.

Скоро нашлось и место подходящее: крутой холм на берегу Днепра, у старинного города Любеча. Вот здесь-то и началось строительство Любечского замка.

Лучших каменотесов, плотников, кузнецов и прочих ремесленников отобрали его тиуны. Из окрестных сел пригнали лошадей с телегами, собрали землекопов. И пошла работа.

Огромные дубовые бревна укладывали в могучие срубы, обмазывали глиной, уплотняли ее тяжелыми колодами, которые едва поднимали четверо человек. Между срубами вкапывали в землю сторожевые башни — тоже из вековых дубов...

Месяц за месяцем шло строительство Любечского замка. Получалась невиданная доселе на Руси твердыня.

Войти ли, въехать на днепровскую гору можно было лишь по крутому подъему. К въездным воротам через ров строители перекинули подъемный деревянный мост. За воротами въездной башни шел узкий проезд вверх, огороженный с обеих сторон поднимающейся уступами крепостной стеной. А дальше шли главные ворота крепости, и начиналась основная крепостная стена.

Если бы враги ухитрились взять первые ворота и ворваться внутрь прохода, им пришлось бы продвигаться к основным воротам крепости под ударами защитников, расположившихся на уступах стены по обеим сторонам прохода, а дальше они утыкались в могучие бревна основной стены.

Через следующие ворота с двумя башнями, стоящими по бокам, пройти тоже было непросто. Выйти в город можно было через глубокий и длинный крытый проход с тремя заслонами, каждый из которых, опускаясь, преграждал путь врагам. Проход выводил к небольшому дворику, где размещалась стража. Отсюда был ход на стены. На этом дворике располагались каморки с очагами для обогрева стражи в студеное время. В стенах, огораживающих дворик, было сделано множество клетей, в которых хранилась разная «готововизна»: вяленая и сушеная рыба, мед, вина, зерно и многое другое, столь необходимое для защитников крепости в суровую годину. В помещениях крепости было вырыто несколько глубоких колодцев с питьевой водой. На этих запасах в Любече могли просидеть более года около 200—250 человек, а для его защиты более и не требовалось.

В глубине двора стояла самая высокая, массивная четырехъярусная башня замка — цитадель. Если бы враг все-таки прорвался через охрану замка, ему пришлось бы миновать на пути к княжескому дворцу еще и это последнее прибежище осажденных. В глубоких подвалах цитадели располагались ямы-хранилища для зерна и воды. Только одолев цитадель, можно было попасть к клетям со съестными припасами, заделанным в стены. Отсюда же вел потайной ход к берегу реки, через который в крайнем случае можно было тайно бежать семье хозяина замка, послать гонца к союзнику за помощью. Тот, в чьих руках была цитадель, мог контролировать жизнь в замке.

Замок, по замыслу Мономаха, был приспособлен для долговременной обороны. Вдоль его стен, кроме клетей с припасами, стояли медные котлы

для нагрева смолы, для кипятка, которые опрокидывали на врагов, подступавших к стенам крепости. Из дворца, из небольшой церковки, от одной из клетей, шли отдельные потайные подземные ходы, уводившие в разные стороны от замка. Если замок все же попадал в руки врага, то через них можно было уйти от недругов...

Но Мономаху не пришлось отсиживаться в Любечском замке...

Ежедневный распорядок Владимира Мономаха складывался из массы разных дел — больших и малых.

Поднимался он ранним утром. После утренней молитвы и завтрака писал грамотки тиунам и разного рода управленцам в городах и селах. Затем обходил конюшни, клетки и амбары. Внимательно следил за тем, чтобы стража исправно несла дозор. Потом читал церковные и мирские книги — любил он чтение, как и его батюшка. Затем совершал верховую поездку в близлежащие села. Послеполуденный, предобеденный сон позволял отдохнуть, восстановить силы. Остаток дня Мономах проводил с женой и детьми — их у него к тому времени было двое: Мстислав и Изяслав.

Гита всегда была рядом. Он уже не мог обходиться без пристального взгляда ее вишневых глаз и плотно сомкнутых тонких губ. Почти всегда он брал супругу с собой. Он привык, не отвечая, слушать ее тонкие и точные суждения, всегда верно определяющие суть увиденного. Когда ее не было рядом, он терял интерес к делам, хозяйству, становился рассеянным, его охватывало необъяснимое беспокойство, ему было скучно. Но зато когда она появлялась, все возвращалось на круги своя.

Вероятно, это и была любовь. Много позже, когда Гита уйдет из жизни, Владимир Мономах в своем знамени-

том «Поучении», напишет мудрые слова: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собою...»

Шли годы... Мономах посolidнел, он по-прежнему нежно опекал своего брата по отцу Ростислава и любимую сестру Евпраксию.

...Евпраксия рано расцвела и превратилась в настоящую красавицу. Статная, высокая, с задумчивым и твердым взором темных, как у матери, глаз (мать у нее, как и у Ростислава, была половчанка), с отцовской мягкостью и плавностью движений, она приковывала к себе взор. Все, кто ее видел, в том числе и приезжие из заморских стран, признавались, что такой красоты прежде не видывали. Евпраксия лишь молча улыбалась...

Но судьба готовила ей страшное испытание. Ее отец, великий князь Всеволод, сын шведской принцессы, брат французской, венгерской и датской королев, свекр английской принцессы, зять византийского императора, пожелал стать тестем германского императора.

В целях укрепления родственных связей с королевскими домами Западной Европы Евпраксию выдали замуж за престарелого и распутного германского императора Генриха IV. Имя Всеволодовой дочери, сестры Мономаха, узнала вся Европа, но очень скоро пришли вести об ужасных унижениях, которым ее подвергал муж, оскорбляя человеческое достоинство Евпраксии.

Она умрет рано — в 38 лет. Мономах будет тяжело переживать несчастья любимой сестры, но помочь ей будет не в силах...

Вскоре отец, великий князь Киевский, наказывает Владимиру Мономаху расправиться со взбунтовавшими вятичами и захватить зачинщика мятежа — некоего Ходоту.

Ходота внезапными налетами грабил сильных и богатых людей, стоял за древние вятичские обычаи и обряды, смеялся над православными святынями, молился лесным богам. Противником он был смелым и опасным.

...На дворе стояли лютые февральские морозы. Печи в домах топили не переставая, и над селами и городами стоял сизый пахнувший дымом туман. Уже после полудня начинало смеркаться. Сильные снегопады занесли дороги. Найти Ходоту оказалось делом не легким.

И все же Владимир настиг его в одном из сел, затерявшемся в глухом лесу. Соратники Ходоты дрались с дружинниками храбро, с рогатинами и дубинами против копий и мечей, гибли молча, стиснув зубы. Попад в плен, под пыт-

ками не выдали, куда исчез их предводитель...

Для Мономаха это была странная война. Ни сечи, где можно было показать военную сноровку и удаль, ни добычи, ни славы победителя. Лишь непроходимые лесные чащобы, снег по пояс и одетые в звериные шкуры хмурые люди — вятичские смерды, которые ненавидели его и которых так же ненавидел и презирал он...

В первую зиму Мономах так и не сумел поймать неуловимого Ходоту. Летом же, когда вятичи могли укрыться в лесу, где знакома каждая гать на болотах, каждая тропинка, каждая излуцина реки, настичь их и вовсе стало невозможно.

Только во вторую зиму он обложил Ходоту, как волка красными флажка-

ми, своими отрядами. В суровый мороз, когда тот не мог долго сидеть в лесу и вынужден был отогреться по избушкам и землянкам, Мономах настиг смутьяна. Лазутчики вывели место его зимовки. В кромешной темноте дружинники вырубали всех, кто попался им под руки.

Наказ отца Мономахом был выполнен.

После смерти великого князя Всеволода Ярославича киевляне пожелали видеть своим князем его старшего сына — рассудительного и уравновешенного, дальновидного и справедливого Владимира. Однако он во избежание княжеской усобицы уступил трон двоюродному брату Святополку Изяславичу (1093—1113), на тот момент старшему в правящем доме Рюриковичей. Трудно сказать, прав ли был Владимир Мономах: Святополк не смог поднять народ на борьбу со страшным врагом — степными кочевниками-половцами из Дикого поля, на столетие получившего название Половецкая степь...

ПОЛОВЕЦКИЕ ТУЧИ НАД РУСЬЮ

К середине XI века племена кипчаков, или половцев, пришедшие из Средней Азии, покорили степные пространства от реки Урал до Дуная, включая север Кавказа и Северный Крым.

Зимой половецкие орды уходили к югу, поближе к теплым черноморским берегам, а летом постепенно перемещались на север, подходя к самой кромке южнорусских лесов. Начинаясь пора набегов, и горе было тем, кто вставал на пути степняков.

Половцы были умелыми, опытными и выносливыми воинами, прекрасно владевшими луками, саблями и арканами. Их войско состояло из легкой конницы. Ее боевые порядки включали отдельные авангардные отряды, по-

зади которых обычно находился сильный резерв. И все же половцы не любили сражаться с большими, хорошо организованными армиями. Набег, разбойный налет — вот их стихия, когда сполна проявлялись присущие им быстрота действий, внезапность нападений и жестокость. Половцы даже в открытой степи умели устраивать засады, скрываясь в балках, за курганами. Или, сначала притворно отступив, вдруг разворачивались и проводили стремительные контратаки.

При необходимости умели и обороняться. В этом случае быстро сооружалось подвижное укрепление из нескольких кругов повозок, покрытых бычьими шкурами, чтобы враг не смог поджечь их. Спрятавшись за ним, половцы безнаказанно засыпали нападавших ливнем стрел. Через проходы между телегами порой они вырывались конными стаями на вылазки, сея ужас среди осаждавших. Удивительная по-

движность половецких летучих орд делала их исключительно опасным противником. Неожиданный набег мог произойти в любое время.

Половцы не захватывали земли, они ограничивались грабежами и захватом пленников. Половецкие ханы могли поднять в поход десятки тысяч воинов, спаянных суровой родовой дисциплиной, — страшная угроза для соседних земледельческих народов.

Так половецкие тучи стали сгущаться на Русью. Поначалу русским не везло в войнах с половцами, и они терпели поражения, порой серьезные.

Разбив зимой 1061 года немногочисленное войско переяславского князя Всеволода Ярославича, отца Владимира Мономаха, половцы хана Искала не стали осаждать город, а растеклись по переяславским селам. И застонала зем-

ля русская. В течение полутора веков после этого печально памятного события они будут непрерывно угрожать границам Руси.

В 1068 году противники встретились вновь. Как только сошел снег и подсохла степь, половецкая конница устремилась на южную Русь. Это был большой поход: сразу несколько ханов вели свои орды, и, казалось, ничто не могло их остановить. Они точно знали через лазутчиков, что русские полки давно распущены, а дружины немногочисленны и вряд ли устоят против их натиска их не знавшей поражений конницы.

Смертельная опасность нависла над русскими землями. Беженцы рассказывали о свирепости степняков: города и села сжигались дотла, людей зверски убивали. Брали в плен лишь самых сильных

мужчин и красивых женщин: их продавали на невольничьих рынках юга.

Не дожидаясь сбора полков, русские князья наспех подняли свои дружины и пошли на врага. Привалы были короткими, а переходы длинными и утомительными. Очень скоро весь горизонт заволокло дымом пожарищ. Он сильно мешал дозорным высматривать врага. Только к вечеру подошли русские дружины к реке Альте, где увидели половецкое войско, столь огромное, что, казалось, оно заполнило собой всю степь...

В тяжелом ночном бою на реке Альте половцы хана Шарукана Старого оказались удачливей опрометчиво атаковавших их князей и наголову разгромили русских, которым пришлось бежать с поля боя. Владимир Мономах в этой бойне участия не принимал. Ему прихо-

дилось воевать то с поляками, то с полоцкими князьями — Всеславом Чародеем и его мятежной родней.

В 1092 году кочевники под началом хана Тугоркана захватили три города — Песочен, Переволока и Прилук, разорили множество сел на обоих берегах Днепра. На следующий год новый киевский князь Святополк Изяславич опрометчиво приказал схватить половецких послов и посадить их в «погреб» — подземную тюрьму. Это послужило поводом для нового нашествия половцев.

В мае великий князь Киевский Святополк Изяславич выступил навстречу половцам с немногочисленной дружиной. По пути он соединился с конными дружинами (пешей рати не взяли) князей Владимира и Ростислава Всеволодовичей. Но князья так и не смогли договориться о совместных действиях.

Неопытный в ратном деле, Святополк рвался в бой. Мономах, резонно ссылаясь на то, что сил у русских недостаточно, советовал ему вступить с половцами в переговоры. Он убеждал поостеречься и не переходить Стугну, не оставляя ее у себя за спиной. Но все было тщетно.

Запальчивый Святополк перешел реку Стугну, увлек за собой дружины и оказался перед превосходящими силами врага. После переправы ночью прошел ливень. Вода в Стугне поднялась и все прибывала и прибывала. На том месте, где переправились русские, теперь бурлили мутные потоки...

Построившись своим обычным строем — «чело» (центр) во главе с горячим, но малоопытным сводным братом Мономаха, юным переяславским князем Ростиславом, и два крыла под началом Святополка и Мономаха, — русские стали ждать атаки врага.

Половцы наступали плотными толпами, послав вперед своих многочисленных лучников, которые, приблизившись на расстояние выстрела, стали засыпать русских воинов тучами длинных тяжелых стрел. Малочисленные русские лучники не смогли оказать им серьезного сопротивления, и уже в начале боя половцы нанесли противнику серьезный урон...

Основной удар пришелся на правый фланг, где стояла менее сильная киевская дружина Святополка. Вскоре его лучники были перебиты, а дружинники, пустив в ход мечи, были смяты численно превосходящими половцами и бросились бежать. Половцы стали заходить с правого фланга в тыл центру и левому флангу русских.

Не выдержав удара, русские побежали к реке. Отступившая первой, дружина Святополка успела-таки переправиться и неслась в надежде на спасение к стенам Треполя.

Реку теперь приходилось преодолевать вплавь. Во время поспешной переправы утонуло множество русских воинов и воевод, одетых в тяжелую броню, в том числе и князь Ростислав. В сплошном месиве тел людей и животных, под градом разящих вражеских стрел Владимир попытался спасти брата, но его самого чудом успели вытащить на безопасный берег охранявшие его дружинники. Вид его был ужасен, взгляд мертвый, остановившийся... Никто никогда не видел его в таком потрясении.

А на том берегу продолжали мужественно прикрывать переправу остатков русского воинства последние дружинники Мономаха. Они были обречены, но такова участь тех, кто в бою впереди других.

Разгром русских был полным.

Это было единственным поражением Мономаха в его многолетней кровавой борьбе с половцами. Но оно случилось не по его вине, а из-за бездарности в ратном деле верховодившего великого князя Киевского Святополка.

Бежавший в Киев Святополк еще пытался сопротивляться и бросил против половцев новое войско. Но коварные степняки, применив хитрость с ложным отступлением, разбили и его. Тогда, чтобы остановить нашествие половцев, великий князь Киевский Святополк был вынужден заплатить большую дань да еще и жениться на дочери половецкого хана Тугоркана.

Вскоре после этой неудачи Мономаху с ослабленной дружиной пришлось выдержать осаду половцев, приведенных под стены Чернигова его бывшим другом, а ныне врагом, двоюродным братом Олегом Святославичем, князем Черниговским. Силы были слишком неравные, и сорокалетний князь вместе с женой и детьми предпочел на почетных условиях покинуть город и вернуться в родной Переяславль.

Когда он, держа руку на рукояти меча, независимо и гордо проезжал со своей семьей сквозь половецкие полки, то, как повествует летописец, степняки «облизывались на него, как волки». И все же они не решились напасть, хотя уже тогда их ханы понимали, что в лице этого воинственного князя они получили своего главного будущего врага. Как показало время, они не ошиблись: пройдут годы, и Мономах рассчитается с врагами сполна.

В мае 1096 года кочевники под началом Китана и Итларя снова напали на Русь. В осаде оказался Переяславль. Хань не ожидали вооруженного сопротивления, хорошо зная о малочисленности княжеской дружины. За мир и покой они требовали великих даров.

Владимир Мономах решил пойти на хитрость, чтобы выиграть время и дожидаться обещанной помощи от Святополка из Киева. Он отдал хану Китану в заложники своего малолетнего сына Святослава.

Отрок крепился, держался прямо и старался смотреть твердо и независимо, но не мог скрыть волнения и страха. Временами он оглядывался на оставшихся позади отца и мать, которая дрожащей рукой его крестила. Другой хан, Итларь, согласился приехать со своими охранниками в Пере-

яславль для продолжения переговоров. Остальные половцы, потеряв всякую осторожность, расположились походным шатровым лагерем под городскими стенами.

Ночью переодетые в половецкое платье дружинники князя выкрали из вражеского стана княжича Святослава. Схватка была короткой: охрану заложника сняли кинжалами, так что ни вздох и ни крик не нарушили ночную тишину. Затем в степи раздался заунывный волчий вой, условный знак атаки, и тут же дружины Владимира Мономаха и подоспевшего Святополка Изяславича стремительно налетели на осаждавших. Степняки рассыпались по округе в надежде спастись, но русские кони, откормленные ячменем, обладали большей выносливостью и половцев легко догоняли. Нападение было столь внезапным, что половцы легли чуть ли не поголовно.

Находившийся в переяславском тереме Итларь не знал, что случилось ночью за крепостными стенами. К тому же коварный Мономах с вечера напоил его и охранников малиновым медом вперемешку с немецким вином, и половцы забылись хмельным сном — прямо там же, где и сидели.

Наутро им приготовили жаркую баню. Только-только половцы с гудящими от хмеля головами вошли в баню, как Мономаховы воины накрепко затворили двери бани, потолочные доски внезапно открылись, и ошарашенные половцы подверглись хладнокровному расстрелу из луков. Кто-то еще пытался спастись, но звенели тетивы, летели смертоносные стрелы, и через несколько минут все было кончено...

Мономах умел мстить.

Вернувшись из неудачного похода в Византию, Боняк и Тугоркан узнали о коварстве Владимира и решили отомстить за кровь Китана и Итларя.

Половцы сожгли Юрьев, осадили Киев, но город не взяли. Затем сожгли княжий двор в Берестове и осадили Переяславль. Семь недель длилась осада. Святополк и Мономах разгромили половцев. «Князь их Тугоркан убит был, и сын его, и иные князи их многие пали», — рассказывал летописец. Князь Святополк нашел на поле брани тело своего тестя Тугоркана и похоронил его поблизости от Берестова.

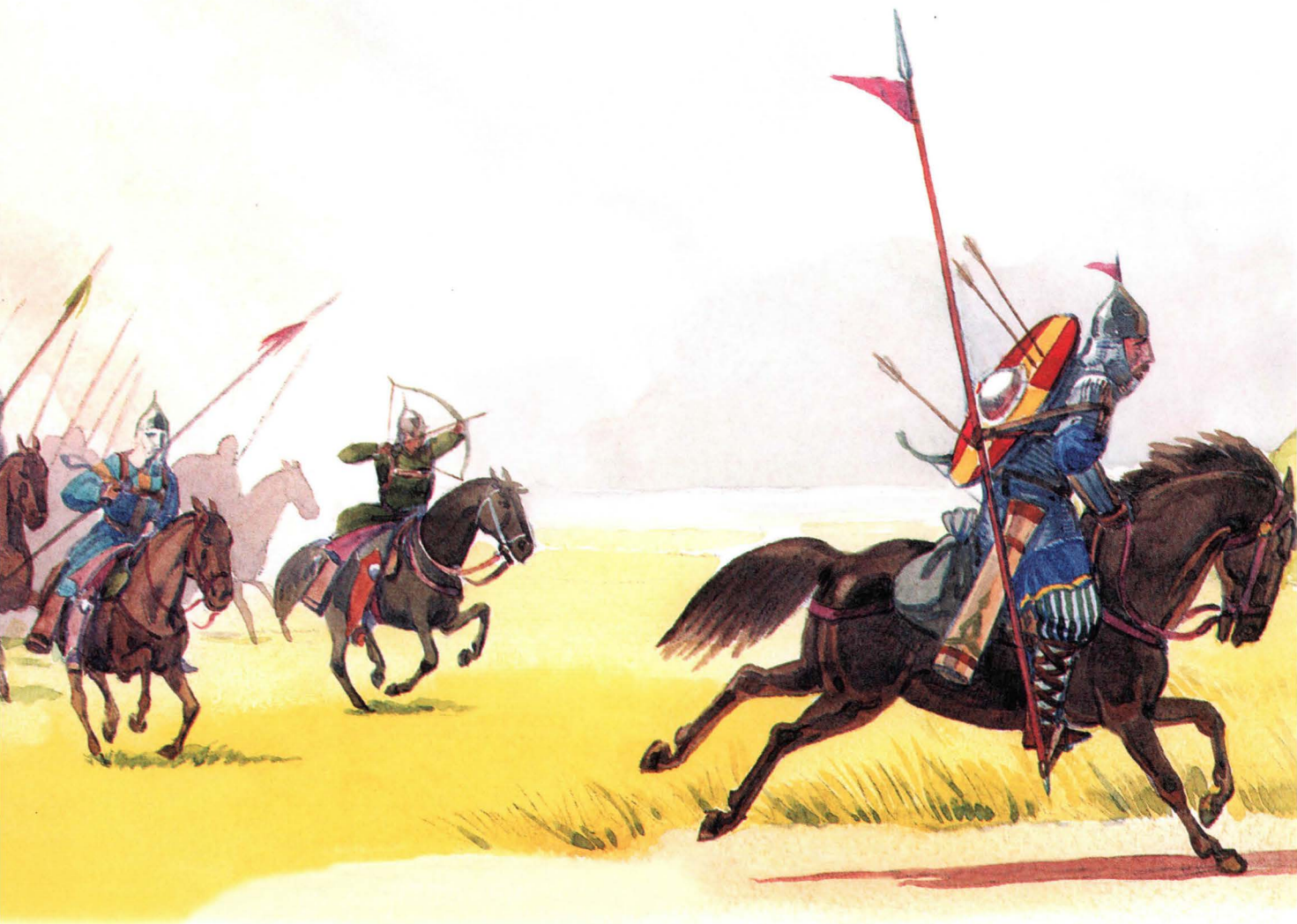
Так кончили свою жизнь два половецких хана, доставившие много бед русскому люду многочисленными кровавыми набегами. Это был первый успех русских в борьбе со степняками.

Но, пока Святополк и Владимир праздновали победу, ранним туманным утром 20 июля на Киев напали половцы одного из самых «злокозненных» степных правителей — хана Боняка, некоронованного повелителя всех половецких кочевий.

Ханская конница чуть не влетела в город, но в последний момент киевляне все же успели затворить тяжелые дубовые, кованые железом городские ворота. Тогда раздосадованный хан — взять осадой такой большой город с мощными крепостными стенами он не мог — в отместку сжег и разграбил все окрестности, в том числе знаменитый Печерский монастырь, жемчужину древнерусской архитектуры. Однако, узнав о приближении победоносных полков Святополка и Владимира, половецкий хан со своим войском и награбленными церковными ценностями быстро ушел в степь. Хан Боняк был сущей напастью для русского пограничья. Недаром в древнерусских летописях он получал только бранные эпитеты — «шелудивый», «треклятый» и другие, не менее обидные...

Случалось, что и Мономах попадал впросак.

Однажды с небольшой дружиной, вооруженной лишь мечами, ехал он по чистому полю. Была весна. Свежий воздух и бездонная небесная синь располагали к безмятежной рассеянности. Земля исходила теплым легким паром. Всадники наслаждались прелестью весеннего дня.

Половцы словно выросли из-под земли и мгновенно закрыли весь горизонт — так их было много. Силы были неравны, и пришлось русским прищипывать коней...

Началась смертельная гонка. Во весь опор неслись всадники в сторону темневшей на горизонте Прилукской крепости, а половцы полукружьем расте-

кались за ними следом, пытаясь отрезать их от городка. Мономах и его дружинники не жалели лошадей. Под самым носом у половцев влетели они по мостку в распахнутые ворота крепости...

Не раз позднее вспоминал Владимир об этом досадном эпизоде, едва не стоившем ему жизни.

В ЛОГОВЕ ХИЩНОГО ЗВЕРЯ

В борьбе с половцами Владимир Мономах показал себя выдающимся стратегом. Он основательно изучил характер набегов степняков на Русь и пришел к выводу, что эти разбойничьи нападе-

ния можно упреждать. Обычно кочевники нападали на русские княжества в самом начале лета. Мономах решил, что совершать походы в степь нужно ранней весной, когда после зимней бескормицы половецкие кони еще не набрали силы. Русские же кони, наоборот, кормленные круглый год житом — зерном и хлебом, — сохраняли силу, выносливость, скорость бега и могли легко нагонять степняков. Он считал, что громить кипчаков надо не в приграничье, а на территории их родовых кочевий, где они были тоже уязвимы: тут располагались их семьи и добро.

Воюя с кочевниками, нельзя медлить. Кочевники быстры, а надо быть еще бы-

стрее, они хитры и коварны, и надо быть хитрее и коварнее.

Таков век, иначе, не победишь. Так считал Владимир Мономах, превратившийся в решительного и беспощадного воина, защитника отчизны...

Вскоре войска переяславского и киевского князей, ставших с тех пор постоянными союзниками, начнут совершать успешные походы в степь. После нескольких военных удач кочевники почувствовали силу русских.

Владимир Мономах постарался с максимальной выгодой использовать передышку. Он предложил всем русским князьям прекратить разоряющие страну междоусобицы, собраться в его Лю-

бечском замке и решить дело миром: кому и когда править на Руси.

В парадной княжеской палате было полно народу. Князья сидели на лавках, за длинными дубовыми столами, покрытыми тяжелыми византийскими скатертями, рядом теснились их приближенные, поседелые в боях в бесчисленных стычках и междоусобицах мужи, не без иронии ждавшие, чем кончится затея Владимира Мономаха, собравшегося помирить всех...

Итогом съезда стало княжеское воззвание ко всем собравшимся: «Зачем губим русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно

и будем охранять русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей!»

Не сразу согласились собравшиеся князья на то, чтобы «каждый держал отчину» свою. Ведь тогда каждый из них при попытке захвата чужих владений и княжеских столиц мог получить отпор уже остальных объединенных сил других княжеств. И все же Мономаху удалось добиться своего: целованием креста собравшиеся удельные князья принесли клятву верности общему делу и друг другу.

Казалось, удалось все уладить...

Но очень скоро все благоразумные начинания Мономаха пошли прахом. Русские князья снова начали грызться между собой, как неразумные щенята. Князь Владимир-Волынский Да-

выд Игоревич обманом взял в плен воинственного князя Василька Ростиславича Требовльского и приказал ослепить его. За него заступился брат Володарь Ростиславич, повесивший за ноги мучителей своего брата и расстрелявший их из луков.

И пошло, и поехало...

Горели города, гибли в сечах воины. Воюющие призывали на помощь венгров и поляков, которые, награвив полные обозы добра, уходили с разоренной русской земли. Князья пылко мирились крестным целованием и тут же снова бросались друг на друга с мечами наголо.

А половцы всю этим пользовались: внезапно налетали, грабили, оставляли пепелища и разоренные города и села, тысячами уводили людей в полон и только их и видели в пыльном мареве пожаров... Особенно преуспевал в этом «злом деле» удачливый хан Боняк. Для того чтобы русские пленники не пытались бежать, их калечили: резали им пятки и в рану засыпали «тернии» — чаще всего рубленый конский волос...

Весной 1103 года, узнав, что половцы готовят набег на Русь, Владимир Мономах, киевский князь Святополк и еще пять русских князей выступили в поход до начала полевых работ, когда половецкие кони после зимовки еще не окрепли и не способны были уйти от погони. Это был первый поход объединенного русского войска в Половецкую степь. Лишь князь Олег Святославич Черниговский, бывший близкий друг, а ныне недруг Владимира Мономаха, смотря прямо в глаза Владимиру, сказал недобро: «Не здравлю» («Нездоров»).

Едва Днепр освободился ото льда, объединенное русское войско в ладьях и по берегу Днепра на конях двинулось до порогов, откуда повернуло в глубь степи.

Рать шла быстро. Воины готовы были каждую минуту вступить в бой, на всех была надета броня, шишаки накинута на самый лоб, щиты качались на левой руке, а не лежали на телегах, как бывало во время дальнего похода. В нескольких верстах впереди шли две «сторожи», которые должны были сразу оповестить Мономахову рать о появлении врага...

Сам Владимир ехал крупной рысью впереди войска, внимательно оглядывая окрестности. Он привык к действиям быстрым, но твердым и взвешенным, а не к суете и торопливости. В решающие минуты Мономах всегда был впереди своих воинов и вступал в бой сам. Он знал: не побоятся он отдать за дружину свою жизнь — дружина ляжет за него костями. Теперь же сеча могла начаться в любую минуту, причем сеча быстротечная, и с самого начала надо наблюдать за тем, как она идет. На ночь останавливались в лоцницах и там разжигали костры, опасаясь,

как бы половцы по огням не поняли о надвигающейся опасности.

И все же, узнав, что случилось небывалое (противник зашел в глубь Дикого поля), половцы спешно выслали дозор во главе с ханами Урусубой и союзником хана Боняка Алтунопой. Но русская разведка под началом лихого сына Мономаха Ярополка пропустила степняков мимо себя в урочище Сутень и, только взяв половцев в кольцо, обнаружил себя.

Разогнавшись, русские на полном скаку врзались в едущих вразброд половцев, круша их копьями, мечами, сшибая тяжелыми конями. Потом русская рать развернулась и прошла вражеские отряды еще раз, разметывая по степи их нестройные ряды. И вот уже, повернув коней вспять, подставив под русские копья свои обтянутые кожаными панцирями спины, объ-

ятые страхом половцы пытаются уйти от погони...

Никому из кочевников не удалось бежать и оповестить о приближении неприятеля со стороны Сутени: слабые по весне кони не смогли их спасти. Погиб и хан Алтунопа, хорошо известный на Руси как опытный и удачливый воин, не проигравший ни одного боя. Эта первая победа над кочевниками на их собственной земле позволила русским в полной мере использовать внезапность нападения. И они эту редкую возможность не упустили.

Четвертого апреля на берегах реки Молочной русские навались на не готовых к бою половцев. Огромная конная лава степняков двигалась медленно — раскисающая после зимы земля сдерживала ее движение. Идти галопом половцы не могли: существовал риск загнать коней, еще не набравших сил после зимы.

Расположенная в центре боевого построения, пешая русская рать («чело») не позволила половецкой коннице разорвать строй.

В жаркой сече сражались только передние ряды степняков, а вся остальная конница крутилась вихрем на разгоряченных конях без дела. Половцы не могли развернуть все свои силы и использовать численное преимущество. Большое сражение в степи шло не по половецким правилам. Мономах хорошо знал, что страшен первый удар

половцев, при повторных атаках они уже не столь опасны.

И действительно, такого еще не случилось в войнах с Русью. Тучи каленых тяжелых стрел половецких лучников, которые при прямом попадании пробивали русские кольчуги и разносили в щепы легкие щиты всадников, на этот раз оказались бесполезны против больших, окованных железом щитов русской пехоты. Ханы злились и нервничали, бросая все новые отряды с копьями, саблями и арканами на полки русских пехотинцев, похожих на длинную стену червленых щитов. Но она стояла незыблемо посреди вытоптанного тысячами конских копыт Дикого поля.

Щиты оберегали русских от стрел, а когда половцы подлетали вплотную, то передние ряды пехотинцев принимали их коней на копья, а задние ряды обрушивали на них острые секиры. Вскоре половецкая толпа окончательно смешалась, и лишь всадники задних рядов по-прежнему бесцельно кружили по полю, усеянному трупами и телами раненых.

Своим отчаянным сопротивлением русская пехота притянула к себе главные силы врага и под их натиском даже немного прогнулась назад. Так «половецкий кабан» оказался в окружении «русских волкодавов».

По сигналу Мономаха княжеские конные дружины, стоявшие на флангах («крыльях»), обошли половецкую конницу и начали ее крушить. Не дожидаясь разгрома, противник обратился в бегство. Ослабевшие кони противника не смогли унести своих хозяев от русских мечей и копий. Одних только ханов погибло двадцать: верховодивший битвой Урусоба, Кчия, Арсланопа, Китанопа, Кунам, Асупа,

Ченегрепа, Сурьбарь и другие, чьи имена долгие годы вызывали скрежет зубовый и жажду мщения! А попавшего в плен Белдюзя в назидание другим по приказу Мономаха крест-накрест зарубили мечами охранники князя. Никогда еще русские не одерживали столь крупной победы над степняками на их собственной земле. Победителям досталась огромная добыча: пленники, стада, кибитки, оружие. Было освобождено множество ранее угнанных в полон русских. Эта победа положила начало наступательным действиям русских против половцев.

В честь славной победы Владимир Мономах закатил пир для всех жителей Переяславля, чтобы знали: победитель не князь, а народ русский, за что честь ему и слава. Время от времени вдоль столов шли княжеские слуги и одаривали простой люд мелкой серебряной монетой, разными княжескими дарами. Пусть помнят день великой победы! Пусть для каждого из них поход в степь будет их кровным делом.

На следующий день праздник продолжился. И пошла молва по Руси о хлебосольстве и щедрости Владимира Мономаха.

После разгрома напавших на Русь войск могущественных ханов Боняка и Шарукана Старого в августе 1107 года объединенными дружинами трех самых сильных русских князей — Святополка Киевского, Олега Святославича Черниговского и Владимира Мономаха Переяславского — война переместилась на территорию противника, в степь, но в ряды половцев был внесен раскол.

Еще зимой Владимир Мономах и Олег Святославич Черниговский съездили к властному Аепе и, заключив мир, породнились с ним, женив своих сыновей Юрия и Святослава на его дочерях.

Такие династические браки стали частым явлением в русской истории. Но ни одну русскую княжну за половецкого хана так и не выдали. Хотя недостаток в женихах не было...

Перейдя реку Сулу, княжеские войска атаковали половцев. Те не ожидали столь стремительного начала войны и бежали с поля боя, бросив обозы. Русские гнали их до реки Хорол и захватили богатую добычу. Лишь изворотливый, как рысь, Боняк и Шарукан Старый, пожертвовавшие своими свитами и охранниками, сумели уйти от погони...

Мудрый Владимир Мономах считал, что после такого разгрома появился шанс окончательно сломать степному волку хребет. И 26 февраля 1111 года он предпринял очередной большой поход на половцев. К участию в этом походе, самым значительным из совершенных им, Владимир Всеволодович Мономах, незаурядный полководец, привлек духовенство, что придало походу характер крестового.

Воины выступили еще по снегу. Февраль в том году выдался лютым. Стояли жестокие морозы с ветром, дующим с востока, — в лицо идущему войску.

Он колот снежной крошкой, сбивал дыхание лошадей. Броня стала ледяной, пальцы примерзали к ней. Чтобы не отморозить руки и ноги, зажигали костры вдоль всего пути следования.

Пешие русские ратники ехали на саях. На них же везли оружие и корм для конной дружины. Двигались быстро: вперед гнало желание поскорее покончить с недругом, десятилетиями разорявшим родную землю.

Но только спустя четыре недели противники встретились. Никогда еще со времен легендарного князя-воителя Святослава русские не заходили так да-

леко в степь. Вскоре были взяты два крупных степных городка, подвластных степнякам, — Шарукань и Сугров. С богатой добычей русские князья повернули назад.

Появление многотысячной русской рати в самом центре Дикого поля заставило половецких ханов объединиться в одно огромное конное войско. 24 марта половцы преградили путь русским. Решающее сражение произошло в марте на берегу небольшой речки Сальницы. Вероятно, это была самая большая битва между непримиримыми противниками.

Мономах привычно выстроил русские полки: пешие воины великого князя Киевского Святополка Изяславича — в центре, а княжеские конные дружины — на «крыльях». Этой единой боевой линии предстояло принять на себя главный удар половецких орд. Предусмотрительный князь решил поставить на всякий случай и вторую линию войск: ее составили его собственные полки под началом Мономаховых сыновей — Вячеслава, Ярополка,

Юрия, Андрея и союзника Мономаха, черниговского князя Давыда Свято-славича. Выстроив полки, Мономах сказал притихшим воинам всего одну фразу: «Здесь смерть нам: станем же крепко!»

На этот раз половецкие ханы решили задавить противника и в сумерках двинулись в атаку сразу по всему фронту.

И пошел по полю лязг, скрежет и треск. Началась «брань крепкая».

В тяжелом сражении, окруженные со всех сторон, русские полки первой боевой линии сумели выстоять. Напрасно ханы раз за разом посылали воинов в атаку. Неся тяжелые потери, половецкие всадники откатывались

назад. Противостояние в тот день победы не принесло никому. Ночью биться в степи смысла не было...

Только через три дня, 27 марта 1111 года, с восходом солнца сражение возобновилось: кочевники получили новое подкрепление.

Битва была не менее упорной, чем предыдущая, только теперь половецкие ханы сделали ставку на конных лучников, издали засыпавших русские ряды тучами стрел. Но те стояли непоколебимо. Наконец, увидев, что в бою наступает долгожданный перелом, Мономах стремительно ввел свежие силы второй линии русских войск.

Когда его воины сблизились с врагом, вдруг прогремел гром, ударила молния и пошел проливной дождь. Русским он бил в спины, а половцам — в лицо. В яростной схватке Мономах рубился в первых рядах. Его появление укрепило дух воинов. Их противникам приходилось сражаться не только с соперником, но и с непогодой. И вскоре русские стали одолевать степняков, которые сражались уже не столь яростно и стойко.

Мало кто из степняков сумел вырваться из плотного кольца окружения и благополучно уйти. Множество половцев оказалось в плену: княжеские дружинники тоже научились владеть арканами. Кончился день, стих дождь, замерла и битва...

Обессиленные в злой сече, русские не стали преследовать степняков. Битва при Сальнице стала крупнейшей победой русских над половцами. Слава о ней прокатилась по всей Европе — аж до самого Рима.

СОБИРАТЕЛЬ И ЗАЩИТНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В 1113 году умер великий князь Киевский Святополк Изяславич. Жадный, корыстолюбивый, за годы княжения он возбудил к себе ненависть киевлян. В конце жизни вел какие-то темные дела с ростовщиками. Те брали 100—200 процентов за долги, а должников обращали в рабов. Было и еще одно недалекое дело: он изобрел один из самых тяжелых в то время налогов — соляной. Тотчас после смерти князя, 17 апреля 1113 года, в Киеве произошло восстание. Был разграблен двор близкого к Святополку тысяцкого Путяты, разгромлены дома киевских ростовщиков. После этого киевляне позвали на княжение Владимира Мономаха. Владимир долго не раздумывал: сел в Киеве княжить.

Уже тогда Владимир пользовался заслуженной славой умелого полководца и защитника земли русской: за долгую ратную жизнь князь-воин совершил 83 больших и малых похода! За это время он проскакал на коне не менее 16 тысяч километров! А дороги в степях и через лесные чащи никак нельзя назвать удобными и безопасными. Свой самый знаменитый поход против половцев Мономах совершил в 58 лет. По тем временам возраст считался весьма преклонным.

Слава доблестного воина в глазах народа давала ему преимущество перед князьями из рода Святославичей, один из которых, Олег, за то горе, которое он причинил Руси, наводя на нее половцев, даже получил в народе прозвище «Гориславич». Кстати, мудрый Владимир Мономах ради спокойствия на земле русской даже примирился с Олегом, некогда своим другом, а ныне — виновником гибели его сына Изяслава.

Трагедия случилась во время междоусобной войны. Для юного Изяслава это был первый самостоятельный бой. Окруженный немногими охранниками юноша опрометчиво врезался в самую гущу Олеговой дружины. Рубя мечом направо и налево, Изяслав стремился к стягу Олега Святославича.

Но вот броня Мономахова сына уже помята от копейного удара, щит разрублен секирой, шпашак поврежден, а те, кто его охранял, погибли.

Тогда многоопытный Олег бросил в бой отборных дружинников.

Первый удар отбросил Изяслава на круп коня, а второй пришелся точно в горло — между броней и шлемом. Об-

ливаясь кровью, юноша рухнул с коня и тут же был затоптан конницей.

Не успев начать взрослую жизнь, он погиб в смертельной схватке со своим дядей, когда-то его крестившим.

Старший сын Мономаха, воинственный Мстислав, отомстит за убиенного брата. Он разгромит войско Олега и принудит его к замирению.

Взойдя на киевский престол, 60-летний Мономах первым делом позаботился о том, чтобы успокоить волнуемое население: запретил обращать должников в холопов, а затем и вовсе снизил годовой сбор до 20 процен-

тов, избавив бравших в долг от панического страха стать рабами. При Владимире Мономахе установилась на Руси долгожданная тишина. При нем «Русская правда» (свод древнерусских законов) была дополнена важными статьями, ограничивающими злоупотребления ростовщиков, защищающими права сельских работников — «закупов». Ряд статей защищал интересы купечества.

За годы его недолгого правления в Киеве (1113—1125) единство Руси было отчасти восстановлено, поскольку авторитет Мономаха среди других князей был беспорен, а послушников, смутьянов и клятвопреступников он быстро и жестоко карал. К усмирённым противникам относился милостиво. Но все это делалось не для расширения собственных владений, а для укрепления русских княжеств перед общей опасностью — Дикого поля. Владимир Мономах крепко держал власть в своих руках.

Теперь борьба с половцами уже проходила исключительно на их территории. Добившись единства князей, Владимир сумел нанести ряд тяжелых поражений степнякам и заставил их прекратить набеги. На степных границах Руси Мономах создал целую систему крепостей, гарнизоны которых бдительно сторожили Дикое поле. Кочевники долго не могли оправиться от ударов Мономаха и не тревожили Русь. Мономаха они боялись как огня. Его именем половчанки пугали детей.

Свое превосходство над половцами Мономах закрепил в 1117 году женитьбой 15-летнего сына Андрея на внучке погибшего в войне с Русью великого половецкого хана Тугоркана. Благодаря Владимиру Мономаху половецкое господство в степях рухнуло. Половцы хана Татара перекочевали за Дунай, в Венгрию (кстати, только в 1770 году в Венгрии умер последний человек, который знал половецкий язык!), другие — на Северный Кавказ, в Абхазию, к Каспию. Большинство из них под началом хана Отрока ушло в Грузию, нанявшись на военную службу к царю Давиду IV Строителю. Там из половецких воинов был сформирован отборный пятитысячный отряд царской гвардии...

Но только к началу последнего десятилетия XII века война половцев с русскими станет затихать. В долгом противостоянии «кто кого?» русские одержат окончательную победу над степняками, и земледельцы начнут спокойно осваивать южные земли...

За полтора века вооруженных конфликтов Руси с кипчаками (степняки совершили около 50 крупных набегов на Русь) русская оборона «перемолола» военные ресурсы этого кочевого народа, бывшего в середине XI века не менее опасным, чем в свое время гунны или авары. Это лишило половцев воз-

можности вторгнуться на Балканы, в Центральную Европу или в пределы Византийской империи.

Русь спасла Европу, но это стоило ей многих жертв. От постоянных набегов обезлюдели огромные пространства плодородных лесостепных окраин. Половцы серьезно подорвали основы русской торговли с Византией и странами Востока. Однако, не создав настоящего государства, они не в состоянии были покорить Русь и лишь грабили ее.

Судьба самих половцев, которые с XIII века начали вести оседлый образ жизни и приняли христианство, похожа на судьбу других кочевников, вторгавшихся в причерноморские степи. Новый ураган с Востока — монголы — поглотит их. Они попытаются противостоять общему врагу вместе с русскими, но будут разгромлены.

В очередной раз над Русью и над Европой нависнет угроза с Востока, куда более страшная, чем половецкая. Вот-вот монгольское нашествие обрушится на христианский мир. Князя, способного, подобно Владимиру Мономаху, объединить русские земли для оказания достойного отпора на Руси не найдется. Но это уже другая история...

В 1120 году Владимир Мономах так укрепил свою власть, что смог одновременно организовать два военных похода: на восток и на запад. Против волжских болгар он отправил воевать своего сына Юрия Владимировича — будущего основателя Москвы по прозвищу Долгорукий, а на поляков послал другого сына — владимирского князя Андрея — с половцами.

С 1122 года восстановились дружественные отношения с Византией. Взаимовыгодные связи поддерживались и со скандинавскими странами. Последовательной, разумной и взвешен-

ной политикой Владимир Мономах вызвал к своей державе уважительное отношение со стороны многих соседних государей, о чем свидетельствуют браки его детей.

Старшего сына, Мстислава, в 1095 году он женил на дочери шведского короля Ингвара Кристине. Старшая дочь Владимира, Мария, стала женой Льва Диогена, сына византийского импе-

ратора Романа IV, а младшую, Евфимию, отдал за венгерского короля Коломана, завоевателя Хорватии и Далмации. Их сын Борис, воспитывавшийся в Киеве при дворе деда, был женат на дочери византийского императора Иоанна II Комнина.

Именно в эпоху Владимира Мономаха на Руси начался расцвет литературы и искусства. Появились такие замечательные литературные произведения, как «Повесть временных лет» и «Хождение игумена Даниила» о путешествии в Палестину. Будучи одним из образованнейших людей своего времени, Мономах знал несколько иностранных языков и всячески покровительствовал творческим людям. Выдающимся памятником древнерусской культуры стало «Поучение», написанное либо продиктованное самим великим князем. Это ценнейший источник по военной истории, в котором есть и занимательные страницы: рассказы об охоте и охотничьи истории. Действительно, для Мономаха охота была постоянной закалкой, тренировкой тела и духа.

Мономахово «Поучение» — своеобразное духовное завещание потомкам. Оно содержит и наставления по обучению и воспитанию будущего полководца и правителя. Князь Владимир учил нравственности, завещал всем быть справедливыми и милосердными, не лениться («да не застанет вас солнце в постели»), стараться прожить жизнь честно и достойно.

Девятнадцатого мая 1125 года скорбный звук колокола сообщил о кончине великого киевского князя Владимира Мономаха. Тело усопшего доставили на ладье в Киев, затем переложили на сани. На всем пути от пристани к храму Святой Софии в молчании

стояли русские люди. Пребывали они в глубокой печали из-за ухода великого воителя, собирателя и защитника русской земли. В глубокое раздумье погрузились многие из них. Думали они и о неведомой им грядущей жизни, в которую так хотел хоть на миг заглянуть Владимир Всеволодович Мономах, великий внук легендарного деда и отец знаменитого основателя Москвы Юрия Долгорукого.

Семидесятидвухлетний Владимир Мономах скончался, оставив своим наследникам огромную единую державу. Со времен Ярослава Мудрого и до монгольского нашествия на Русь не было в нашем отечестве правителя столь почитаемого, сильного и разумного. На киевском престоле утвердился его старший сын Мстислав, прозванный Великим.

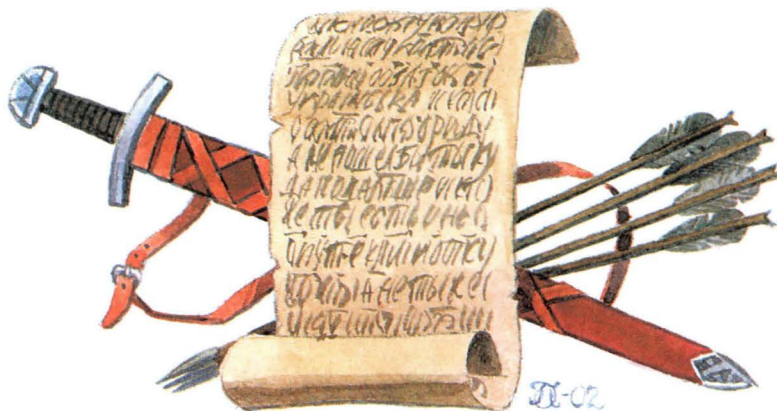
Как и покойный отец, невысокий и широкоплечий, с темными, глубоко посаженными быстрыми глазами под густыми черными бровями, с темны-

ми и жесткими волосами, Мстислав и внешне и повадками очень походил на Мономаха. Любил короткие вопросы и быстрые ответы. Был тверд в решениях, скор на расправу, но справедлив.

Русью он правил столь же твердо, как и его знаменитый отец. При нем были изгнаны из своих владений половецкие князья-мятежники Всеславичи. Из-за внутренних распрей ослабли и черниговские Святославичи. Никто из князей не решался противостоять Мстиславу.

Но после его смерти в 1132 году все пошло прахом: начались ссоры между потомками Мономаха. Спокойствию на Руси пришел конец. Наступал долгий и тяжкий период феодальной раздробленности...

И по сей день актуален последний завет великого собирателя и защитника земли русской князя Владимира Мономаха: «Дети, ни войны, ни зверя не бойтесь — делайте дело мужское!»

УДК 087.5: 355.48 (470)
ББК 68.49(2)
В57

СОДЕРЖАНИЕ

«Тяжела ты, шапка Мономаха!».....	2
В ту пору выросли рано.....	4
В начале славных дел.....	14
Половецкие тучи над Русью.....	23
В логове хищного зверя.....	30
Собиратель и защитник земли русской.....	42

Яков Николаевич Нерсесов

ВЛАДИМИР МОНОМАХ, или Половецкие тучи над Русью

Художник Олег Константинович Пархаев
Для среднего школьного возраста

**Книга рассказывает о великом русском князе Владимире Мономахе —
внуке Ярослава Мудрого и отце основателя Москвы Юрия Долгорукого.
Мономах был не только прославленным защитником
земли русской, но и писателем. Его «Поучение» и сегодня может служить
образцом духовного завещания потомкам.**

Издательство «Белый город»

Директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Научный редактор В.И. Михайлов
Корректор А. Новгородова
Компьютерная верстка: Т. Федорина

ISBN 5-7793-0556-0

Лицензия ИД №04067 от 23 февраля 2001 г.

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел. (095)176-91-09, 176-91-04, 176-94-63
E-mail: belygorod@mail.ru

Розничная продажа:

Торговый дом книги «Москва»,
Москва, ул. Тверская, 8

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Дата подписания в печать 20.12.2002
Гарнитура SchoolBook, печать офсет,
формат 84x108,1/16
Тираж 5000 экз.
Заказ № 0216140.

Электронный вариант книги:

Скан: LenAlis

Обработка, формат: manjak1961

А также:

Война 1812 года
Король преступного мира
А.С. Пушкин
Юрий Долгорукий
Русско-турецкие войны
Антарктида
Русские победы
Герои русской истории
Борис и Глеб
Северная столица
Легенды Древней Руси
Клады и сокровища
Куликовская битва

Георгиевские кавалеры
Петр I
Великие полотна
Боги древних славян
Екатерина Великая
Древняя Русь
Крещение Руси
Александр Невский
Иван Грозный
Суворов
Славянская мифология
Дуэли
Цари и императоры

Век переворотов и фаворитов
Ломоносов
Города России
Русские композиторы
Александр II Освободитель
Легенды русских монастырей
Самозванцы
Русские колумбы
Русские живописцы
Предсказатели и пророки
Александр I Благословенный
Святыни России

Новая серия «История России в летописях, сказаниях и былинах»

Новая серия познакомит юного читателя с уникальной русской литературой. «Слово о полку Игореве», былины, жития русских святых, баллады поэтов XIX века и другие — свидетельства великого прошлого нашей страны. Они откроют для Ваших детей не только удивительный мир древней истории, но и русской словесности.

Готовятся к выпуску:

Слово о полку Игореве
Илья Муромец
Садко
Алеша Попович и Добрыня Никитич
Святогор
А.К. Толстой. Баллады
Книга Велеса

ISBN 5-7793-0556-0

9 785779 305563

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

ПОЛОВЕЦКИЕ ТУЧИ НАД РУСЬЮ

Меткие лучники много раз выручали русскую дружину

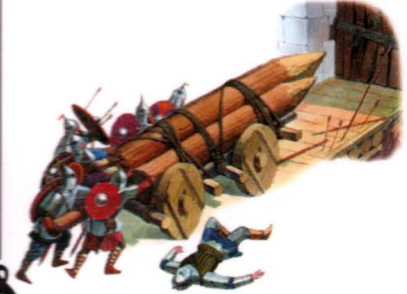
Тяжелыми были бои на южных русских рубежах

В течение долгого времени половцы угрожали границам Руси

«Поучение Владимира Мономаха» — уникальный памятник древнерусской литературы

При осаде города часто использовали таран

Чешские рыцари не смогли противостоять русскому войску

